

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ — просветитель Отечества

К 300-летию великого русского поэта и учёного

Арсений Александрович Замостьянов

- массовая школа • патриотизм • российское просвещение • поэтический миф
- героизация труда, науки, географических исследований

Для нас, далёких потомков Михаила Васильевича Ломоносова, он и сегодня, в XXI веке, остаётся идеологом Просвещения, его лидером.

Он мечтал видеть над Россией рассвет Просвещения, науки. А мы сегодня наблюдаем расцвет лженауки, ренессанс средневековых суеверий. Он работал для того, чтобы школа в России была массовой, общедоступной, передовой. Сегодня мы рискуем получить платную школу, для элиты — вип-образование, а для народа — только сиротский минимум знаний. Яростный, непоколебимый патриот, он хотел видеть Россию империей, доминирующей на континенте. Сегодня патриотизм у нас только на словах, в декларациях, а реальные интересы российской элиты — в изысканных городах Европы. Россия (включая воспетую Ломоносовым Сибирь) для них — всего лишь дойная корова.

Ломоносов восхищался русским языком, а нынче он теряет популярность в мире, а мы засоряем его англицизмами и матерной бранью.

Ломоносов обладал пророческим даром, который развился на основании рационального познания мира. Он — великий гражданин, предвидевший судьбы России на много лет вперёд. Одно из произведений Ломоносова называется «О сохранении и размножении российского народа». Что может быть актуальнее этой проблемы — «сохранение и сбережение»? Он знал и понимал Россию как никто — и это придавало Ломоносову непреклонную силу. Вспомним те идеи Ломоносова — об «общей пользе» «любезного Отечества»:

- «1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народе просвещении.
4. О исправлении земледелия.

5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении искусства во время долговременного мира».

Да-да, в XVIII веке проблема «размножения народа» была для России не менее актуальной, чем ныне. Наша страна была тогда огромной, но чрезвычайно малонаселённой империей. Россия уступала по населению и Франции, и Великобритании (без колоний). Ломоносов понимал, что этот перекося нужно исправлять — и к середине XIX века Россия, как и подобает крупнейшему государству мира, стала самой населённой (с огромным отрывом!) страной Европы.

Кажется, что эти тезисы Ломоносова написаны сегодня. Или послезавтра. Только сегодня вряд ли кто умеет по-ломоносовски слышать пульс Родины. Какими мелкими после мыслей ломоносовского чекана кажутся прожекты современных политиков, мыслителей, журналистов...

Многие школы в России встречают нас у дверей барельефами великих просветителей. Чаще всего это Пушкин, Толстой, Горький и Маяковский. Но есть немало школьных зданий и с барельефом Ломоносова. И тысячи, может быть, десятки тысяч классов осеяны портретами Ломоносова. О нём никогда не забывали. Ломоносов — символ российского просвещения, наш первый университет, по выражению Пушкина.

Хрестоматийно сказал о нём Аполлон Майков ещё в середине XIX века:

*О дивный муж!.. С челом открытым,
С орлиным взглядом, как глядел
На оном море Ледовитом
На чудеса господних дел,*

*Наукой осиян и рвеньем
К величию родины горя,
Явился ты — осуществленьем
Мечты великого царя!*

*Твоею ревностью согретый,
Очнулся русский дух с тобой:
Ты лучших дел Елизаветы
Был животворною душой,*

*Ты дал певца Екатерине,
Всецело жил в её орлах,
И отблеск твой горит и ныне
На лучших русских именах!..*

Отблеск Ломоносова мы не должны потерять: его вдохновляющий образ многих русских ребяташек привёл к литературе, к физике, к химии. В XX веке, к нашему счастью, Ломоносова умело популяризировали. Миллионы смотрели фильмы о Ломоносове — а их было целых три. Роль Ломоносова играли Борис Ливанов, Михаил Зимин, Виктор Степанов — мощные актёры. Изречения Ломоносова печатали на школьных тетрадках, на плакатах.

О Ломоносове каждый год вспоминают на уроках химии и физики, на уроках истории — когда рассказывают про первый русский университет. Ломоносов-учёный заслоняет поэта, которого изучают в школе «между прочим». А жаль. Стихи Ломоносова мудры и поэтичны, в них есть и темперамент, и смирение. А как гибок язык Ломоносова! Тот русский язык, о котором он сам сказал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, и сверх того — богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков...».

Такую приверженность Родине гениям не прощают. И многих сегодня не устраивает, что имя Ломоносова в России незабвенно. Многих не устраивает, что в нашей столице стоят памятники Ломоносову, что его имя носит университет... Любители развенчивать «исторические мифы» пошли войной на память

о Ломоносове. Таким людям непременно нужно попытаться расшатать всё, что крепко стоит. Расшатать, разоблачить, перевернуть привычные представления...

Некий Гелий Салахутдинов в последние годы не устаёт упражняться в публичных оскорблениях гения: «Ломоносов — не учёный. Он администратор, человек, который умел хорошо делать только две вещи — пить вино и выбивать деньги на безумные проекты». И таких гелиев немало. По большому счёту, их в Ломоносове не устраивает одно:

*Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Нам придётся противостоять этой агрессивной линии. Для этого достаточно просто научиться *читать Ломоносова*.

Конечно, достичь понимания поэзии Ломоносова непросто. А разве просто понять Пушкина или Блока? Да, многие риторические обороты торжественных од сегодняшнему школьнику покажутся архаичными. И всё-таки язык Ломоносова школьники воспринимают яснее, чем поэтический язык его собратьев по XVIII веку — Кантемира, Тредиаковского, Сумарокова. Ломоносовской ясности не было у гениального Державина, который подчас осознанно стремился к дисгармонии, к усложнённости образного ряда.

Биограф Ломоносова, рано ушедший от нас профессор Евгений Николаевич Лебедев, читал нам в Литературном институте историю русской литературы XVIII века. Незабываемо он декламировал стихи — и, в первую голову, своего любимого Ломоносова. Наверное, у каждого из бывших студентов Евгения Николаевича всё ещё звучит в памяти его голос:

*Меня оставил мой отец
И мать ещё в младенстве;
Но восприял меня творец
И дал жить в благоденстве.*

*Настави, господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.*

*Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницею покрывай
От клеветаний ложных.*

Для Лебедева, который снова и снова возвращался к этим стихам, в них таилось некое личное признание. Так бывает только с самыми лучшими стихами. В них можно поместить всю судьбу, все чувства и мысли — и не будет тесно. Это переложение 26-го псалма. Сокровенное стихотворение Ломоносова.

Во всём мире просветители XVIII века, поражённые новыми возможностями, которые дают человеку разум и учёба, были бунтарями против церкви, против христианского мировоззрения. Просвещение подталкивало к материализму. В этой революционной борьбе просветители нередко становились оппонентами власти. А Ломоносов, построивший в России бастионы разума, веривший в Просвещение, совместил это направление с христианским. Он был глубочайшим православным мыслителем и поэтом. Куда более православным, чем современная ему политическая элита Санкт-Петербурга и Москвы. Ломоносов отобразил мир многообразный: от пользы стекла до раскаяния перед Богом.

В середине XVIII века Ломоносов создаёт духовные оды — лучшее, что он сделал в поэзии. Он был способен к молитве как мало кто из учёных:

*О Боже мой, не удалися,
Покрой меня рукой своей
И помощь ниспослать потщися
Объятой злом душе моей.*

Ломоносов был могучей личностью, его обуревала жажда больших свершений. Такому богатырю куда сложнее смириться, победить гордыню. Тем ценнее его признания.

Происхождение Ломоносова символично: не из аристократических усадеб он пришёл в науку и в литературу. В последнее время появилось немало снобов, которым сладостно считать себя потомственной элитой, избранной для великих дел. Они лелеют в себе сословную спесь. Они то и дело подчёркивают: Ломоносов родился в семье *состоятельного* рыбака-помора, купца — чуть ли не крупного воротилы. Состоятельного — то бишь, всё-таки родственного по крови современным спесивцам... Им трудно представить, что простой мужик, плебей стал основателем русской науки и поэтом. Таков голос нынешней выродившейся интеллигенцией. А для современников Ломоносов был мужиком, сыном черносошного крестьянина-помора Василия Дорофеевича Ломоносова. Потому и знал, и любил Россию, что явился из народной гущи, что с десяти лет трудился, что был осмысленным патриотом сперва своего северного края, а потом и всей Российской империи. Его возвышение в науке, при дворе — среди аристократов и иностранцев — было сенсационным. И Некрасов писал о нём:

*Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик...*

Это стихотворение многим помогло найти свою дорогу в просвещении. И многим ещё поможет. Дворянин Некрасов хорошо знал, кого можно назвать мужиком. Ломоносов заслужит потомственное дворянство, получив чин коллежского советника, но это не по происхождению, а по трудам.

Быть патриотом всегда и везде — непросто. Только поверхностному взгляду любовь к Родине кажется банальностью. Ломоносов писал о России как никто ни до него, ни после не умел.

*О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рождён Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии весёлой,
Отрады ясность по челу
И вознесённую главу...*

*...О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.*

Неужели это архаично? Неужели это стихотворение — реликт елизаветинского времени? Пожалуй, эти вопросы можно поставить на уроке.

Тютчев сказал о Ломоносове:

*Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему!*

Без ощущения патриотической миссии немыслима и деятельность Ломоносова-учёного, а уж о поэтическом творчестве нечего и говорить.

Любимым поэтическим жанром Ломоносова была торжественная ода, обращённая к действующему монарху. Эта форма как нельзя лучше подходила для самовыражения просветителя, чьим кредо было поучение императриц... В одах поэт предпринимал попытки героизации действующего монарха, а также — в замечательных отступлениях — исторических персонажей, которых считал примерными, годными для поставленной просветительской задачи. Задача и её выполнение ставились Ломоносовым выше художественного воспроизведения образа, это чувствуется даже в поэме «Пётр Великий».

Да, культ Петра был фундаментом государственной идеологии Российской империи в XVIII веке. И для укрепления этого культа «требовалось участие общенационального, духовного авторитета — художника, способного своим искусством подтвердить ведущую роль российского императора в культурной жизни общества». Будучи одним из последовательных идеологов петровского культа, Ломоносов допускал даже смелые, вызывавшие споры сравнения создателя Российской империи с Творцом:

Он Бог, он Бог твой был, Россия...
(Ода 1743 г.)

Это, конечно, допущение «пиитической фантазии», художественная вольность.

Ломоносов шёл к своему пониманию героики через изучение классического наследия — и не только немецких и французских поэтов XVI–XVIII веков, но и Гомера, Вергилия, о важности которых для нашего поэта говорят его многочисленные подступы к переводам «Илиады» и «Энеиды». В постоянном сопряжении (порой — полемическом) с этими произведениями проходит вся история ломоносовской поэтической героики. М.В. Ломоносов был восприимчив к эстетике героического эпоса, любованию которым составило его переводы из Гомера и Вергилия. Есть в его переводах и характерный ломоносовский гуманизм, страх перед ужасами войны:

*Вот, троянин, поля, что ты искал войною,
И вот Гесперия. Измерь, лёжа убитый.*
(Из «Энеиды», XII, 359–620)

Вызывающий восторги лик Петра — центральный в поэзии Ломоносова — появляется в его первом стихотворном произведении, получившем широкое признание, в оде «...На взятие Хотина 1739 года». Пётр выступает в этой оде как Герой — Герой с большой буквы. Сначала поэт даже не называет его имя:

*Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.*

Ломоносов предвосхищает явление своего Героя риторическим рядом громких вопросов (излюбленный ломоносовский риторический приём). Но вот Пётр назван и —

*...чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.*

Именно столь эффектным и должно быть появление Героя, ставшего могущественным мифом.

В многочисленных и пространных одах Ломоносов не устаёт ставить в пример восплаемым

монархам и монархиням героев прошлого (а иногда — и настоящего). Конечно, особое место в этом пантеоне героев занимает Пётр Великий — стержневая фигура государственной идеологии того времени, к гражданской канонизации которой М.В. Ломоносов имел непосредственное отношение. В государственной идеологии петровского и послепетровского времени интересы государства и просвещения были едины, что отмечалось многими исследователями. Ломоносов служил и государству, и просвещению, ощущая взаимосвязь этих явлений и их институтов. Такая идеология персонифицировалась в образе первого императора — Петра Великого.

Ломоносов создаёт поэтический миф об историческом Петре, который предстаёт царём-тружеником, царём-работником:

*Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях,
в морях Герой.*

В подобном духе десятилетиями и веками писали о Петре позднейшие поэты. Культ Петра необходим Ломоносову для утверждения славы России, для утверждения её права на великих, бессмертных героев.

Просветитель и естествоиспытатель, Ломоносов не мог не придать своему герою черты победителя природы, подчинившего себе её силы в апофеозе науки:

*И в сердце положил великий труд. Канал,
Дабы российской могущею рукою
Потоки Волхова соединить с Невую.*

Здесь М.В. Ломоносов закладывает влиятельную традицию. Подобные черты были присущи и советской героике, восплаемшей строителей Беломорканала и Днепрогэса, канала имени Москвы и т.п. Ломоносов, гениальный сын века энциклопедистов, умел видеть героизм в победе над природой, в утверждении человеческого гения и могущества, в пафосе всепобеждающего труда. Здесь у Ломоносова возникает род

героизма, редкий у поэтов XVIII века (даже у Державина), но утверждённый русской поэзией века XX (В. Брюсовым, В. Маяковским, Н. Заболоцким и др.) — героизм труда. Пётр у Ломоносова пророчески оценивает и богатство Русского Севера, озвучивая мысли самого Ломоносова — великого северянина:

*Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотые.
Но ныне для твоей бессмертной похвалы
Спешу против врагов чрез горы и валы;
Железо мне пролей, разжженной токи меди...»*

Только Ломоносов мог с такой точностью предвидеть будущее России — ведь это про нашу индустриализацию, про славный, победный XX век. Широко известен оправдавшийся прогноз великого Ломоносова: «Богатство России Сибирью произрастать будет». Здесь Пётр пророчесствует, как вергилиевский Эней (всё-таки Эней остаётся ключевой мифологической фигурой для понимания образа Петра), проникая в славное будущее создаваемой им империи (Ломоносов ставит именно такую стратегическую задачу). Пророчество Петра содержит и характерный для Ломоносова апофеоз науки и географических исследований, героизация которых входит в программу поэта:

*Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава...*

Эти строки перекликаются с прославлением подвигов бесстрашного путешественника Витуса Беринга, которое встречается в елизаветинской оде Ломоносова 1742 года:

*К тебе от встречных стран спешат
Уже Американски волны
В Камчатской порт, веселья полны...*

Герои науки, герои-первопроходцы (именно в 1742 году было получено известие о достижении берегов Америки экспедицией В. Беринга) становились, наряду с героями-монархами и воинами, национальными героями России, утверждёнными и воспетыми в поэзии — и в этом заслуга Ломоносова, его мощного поэтического и культуртрегерского энтузиазма. В поэме присутствует и новый для Ломоносова (и русской поэзии) исторический герой —

московский царь Иван Третий, Иоанн Великий:

*Сей бодрый государь в Россию первый ввёл
На бранях новый страх земных громовых
стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя татары,
Вовек отчаялись над россами побед:
Скончался с гордостью ордынскую Ахмет.*

«Бодрый государь» — то есть под стать Петру, работоспособный, активный, неутомимый (таким и был Иван Великий, строитель московского Кремля, увы, недооценённый историками правитель). «Бодрый государь» — это близкое к постижению идеала и потому исключительно важное как для Ломоносова, так и для эпохи, определение (вспомним тезис В. Кожинова о единстве стиля эпохи и стиля поэта-классика). И Пётр, создатель новых традиций и преобразователь старых, является в свою очередь продолжателем традиций русского героизма защитников нашей государственности, освободителей от ордынского ига, из которых поэт вспоминает Ивана III.

В поэме упоминаются герои прошлого. Кроме русских князей и царей — это Александр Великий и его противник Дарий, а также герои-сподвижники Петра, Карпов («вождь Преображенских сил») и Шереметев. Но вообще для поэмы Ломоносова характерна сосредоточенность на главном и заглавном герое, все остальные лишь оттеняют его величие.

В своей героической поэме Ломоносов переосмысливает классический героический эпос Гомера и Вергилия, используя их опыт, но в то же время у русского поэта очевидна установка на полемику с классиками, заявленную в обращении к Шувалову.

Программную мотивацию, credo героики Ломоносов расширил до диалогического произведения «Разговор с Анакреоном». Любовь к Родине (порой — персонифицированной в образе монарха), по Ломоносову, является важнейшим назначением

поэта, она превосходит чувства к женщине, любые другие чувства, не говоря о прихотях эгоизма. Конечно, за этим образом Родины-матери-императрицы стоит сложная система ценностей, присущая Ломоносову как великому сыну своего века. В.М. Живов заметил, анализируя значение идеи государства в мировоззрении просветителей-классицистов: «Государство было предметом поэтического восторга и философской медитации именно потому, что оно как бы выступало распорядителем космической гармонии на земле. Поэтому победы монарха, его благоденствие, заключение союзов и мирных договоров были не только материалом изображения, но и темой философской и художественной рефлексии. Прогресс государства воспринимался при этом как прогресс разума и прогресс просвещения...». Именно этим принципом руководствовался Ломоносов, воспевая монархов и их деяния.

Надежды на победное окончание Семилетней войны, в которой Россия должна была утвердиться как великая европейская держава, защищающая законный порядок и спасающая мир от войны, выразились в пожелании: «И повели войнам престать» («Разговор с Анакреоном»), доказавшем не раз звучавшее в одах миролюбие патриотического чувства у Ломоносова. Вспоминается гимн мирным дням империи из елизаветинской оды 1747 года:

*Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!*

Отметим, что Ломоносов воспринимал миролюбие только при условии, что его родной России уготована участь победительницы. Унижений родной империи Ломоносов не терпел, о чём в острой публицистической форме писал в оде Екатерине 1762 года:

*Слышал ли кто из в свет рождённых,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побеждённых?
О стыд, о странной оборот!*

Такова была поэтическая реакция Ломоносова на актуальные политические реалии того времени: Россия, по капризу императора Петра III, не воспользовалась плодами блестящих побед нашей армии над Пруссией, над Фридрихом Великим. Ломоносов считал необходимым поэтически откликнуться на этот позор, на оскорбление героического начала России. Когда речь шла о чести Родины, он забывал о придворном этикете, об академических регалиях, он становился солдатом, который грудью готов заслонить родную землю. Ломоносов и в историографических исследованиях не был хладнокровным исследователем, он оставался патриотом и воспринимал труд историка как служение государству и народу, воспитание патриотизма. Да, он был пристрастным историком, блистательно пристрастным.

Сегодня по различным исследованиям то ли шесть, то ли десять процентов наших старшеклассников мечтают жить в России. Вот такой патриотизм. А если бы мы изучали историю по Ломоносову... Конечно, с учётом позднейших исследований (многое в ломоносовских исследованиях сегодня кажется наивным, хотя истинных прозрений там ещё больше!), но в духе Ломоносова... Ему было знакомо патриотическое вдохновение. «Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели мою возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются», — писал Ломоносов, доказывая самобытность русской истории, русского народа. Увы, и сегодня приходится доказывать нашим поклонникам Европы, что Россия — это не страна пигмеев, и не периферийная культура...

Но вернёмся к «Разговору с Анакреоном». Несомненна поэтическая продуктивность этой темы, её огромная историко-литературная важность. Это спор о назначении поэта, о назначении культуры, спор, продолженный преемниками Ломоносова (которые далеко не всегда оказывались его единомышленниками).

Разумеется, отголоски этого спора были слышны и в нашей поэзии XX века, слышны они и по сей день. И, хотя, скажем, поэтические дискуссии Некрасова и Полонского, Маяковского и Есенина привнесли в контекст конфликта новые мотивы, по существу, актуальны остаются и тезисы Ломоносова, вложенные им в собственные уста и в уста Анакреона.

В наше время сомнению подвергается эстетическая ценность блестяще мотивированного Ломоносовым в «Разговоре с Анакреоном» культа Родины, культа России в поэзии. Например, чётко определил свой антиломоносовский взгляд на вещи поэт И.А. Бродский. В опубликованной беседе с Е.Б. Рейном он ещё и попытался (на мой взгляд, безуспешно) переосмыслить патриотизм Державина. Приведу отрывок из этого интервью: «Бродский: Без конца звучали все эти песни о родине, о родине, о родине... Скулеж совершенно невероятный. Как будто авторы песен, которые писали в России, покинули родину и испытывают безумную ностальгию. Рейн: Я считаю, что есть всего одна сильная строфа в мире. Написал её очень небездарный человек по фамилии Исаковский:

*Пускай замерзал я в болотах,
Пускай погибал я во льду,
Но, если ты скажешь мне слово,
Я снова всё это пройду.*

Бродский: А я считаю, что в этом есть невежество. Нас научили, натренировали — говорить от имени народа. Страна огромная, масса людей, а поэт начинает вещать о родине — и всех как бы смешивает, под одну метелку метет, как будто он право имеет, они все имеют право кричать о патриотизме. Это как бы оборотная сторона поэта и государя. ... Это не традиция. У Державина этого не было, то есть он общался с Фелицей, но никогда не выступал за русский народ. Да и Александр Сергеевич этого не делал...».

Вряд ли этот вывод справедлив — стоит только вспомнить образ Росса у Державина, его (вслед за Ломоносовым) обобщения по линии «мать — Родина — императрица — народ», да и едкое определение молодого Вяземского «географические фанфаронады», вписывающиеся в логику Бродского, было, как известно, ад-

ресовано автору «Клеветникам России», относившемуся к Родине с сыновней любовью, как и Исаковский в стихотворении «Летят перелётные птицы». То есть, перед нами определён традиция, получившая своё первое идеологическое воплощение в ломоносовском «Разговоре с Анакреоном», а позже продолженная многими лучшими нашими поэтами, как бы некоторые современные мыслители ни хотели представить, что истинная поэзия выше гражданственности и патриотических деклараций. История литературы опровергает такие эстетические максимы, а её страницы, связанные с русской героической поэзией, не теряют художественной значимости. И, конечно, отработанная рефлексия брезгливого отношения к «выступлениям за русский народ» никого не украшает.

«Разговор с Анакреоном» — уникальный памятник русской литературы, настоящий гимн героике с чётким и ясным «моралите» (Ломоносов, слава Богу, не страшился прослыть резонёром):

*Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишён,
Героев славой вечной
Я больше восхищён.*

Неподражаема просветительская героика Ломоносова. В самых известных стихах поэта об учёности он говорит патетически — и к личному, как всегда у Ломоносова, примешивается патриотическое переживание.

Взволнованные строки о «собственных Платонах» и сегодня не звучат бесконфликтно. Ведь как часто мы, за всё расплачиваясь богатствами России, пользуемся заёмным умом, не желая воспитывать «собственных Платонов». Но и не верить в Россию и в героику Просвещения после Ломоносова, Менделеева,

Королева и Гагарина — невозможно. От просветительской героики Ломоносова легко перейти к православной теме, ибо сам учёный связывал эти мотивы: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной Он показал Своё величество, а в другой Свою волю. Первая — видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга Священное Писание... Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет Божескую волю вымерять циркулем. Тако же и богословия учитель, если он думает, что по псалтире научиться можно астрономии или химии»¹. Вот она, ломоносовская логика!

В духовной лирике мудрый резонёр превращается в восторженного паломника, приподнятого над землёй ощущением чуда, молитвой. Утреннее и вечернее размышления Ломоносова о Божьем Величестве (в полном названии вечернего размышления важно и дополнение — *при случае великого северного сияния*) — немеркнущие лирические шедевры, в которых научная любознательность приводит героя к вере:

*Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?²
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?²
«...»
Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?²
И что малейших дале звёзд?²
Несведом тварей вам конец?²
Скажите ж, коль велик Творец?²*

(1743)

Всё-таки Ломоносов как оратор и поэт гениально ставил риторические вопросы... С ними у него всегда связано самое сокровенное, заветное, молитвенное. Самое высокое. «Вам путь известен всех планет; Скажите, что нас так мятет?»².

В утреннем размышлении меньше сложных рефлексий — оно целиком, без прелюдий, посвящено восхищению Величием Господним — а выражался Ломоносов очень внятно и логично:

*Творец! покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.*

В переложениях псалмов Ломоносов тоже блистал изысканной ясностью, строгой и выразительной простотой великих формул. Кто не запомнит чеканного зачина Оды, выбранной из Иова — «О, ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек...». Даже Хлестаков у Гоголя, и тот не забыл этих строк!.. Ломоносов тонко вплетал в священный контекст линии личной автобиографии — и получалось чудо искренности, настоящая исповедь. Молитвы Ломоносова эмоционально сдержаннее псалмов Тредиаковского. Михайло Васильевич для духовной лирики укрощал свой поморский темперамент. Чужда ему и витиеватость Сумарокова. Это молитва сильного человека, очень наблюдательного и памятливого в житейских впечатлениях и точного в словах, который умеет открыть сердце Богу. Благочестивый учёный муж, оставивший нам сокровища поэзии. «Неподрожимый, бессмертный Ломоносов» — как назвал его Державин.

В нашей школе образ Ломоносова должен жить не только в барельефах и портретах. Ломоносовым должен быть проникнут дух Просвещения. Есть люди, обделённые любовью к Ломоносову, не понимающие и не знающие великого русского человека. Именно обделённые: они себя нещадно обкрадывают. Учитесь любить Ломоносова — и вам откроется образ, вдохновляющий, наставляющий нас на путь истинный. Дай Бог нам быть достойными памяти Ломоносова, его неисчерпаемого наследия. **НО**

¹ Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1961. С. 497.